— характеризует вредоносность, выражающуюся в причинении либо в создании угрозы причинения ущерба охраняемым уголовным законом интересам;

— закрепляется в системе уголовного законодательства и обладает количественными и качественными характеристиками:

а) количественная сторона общественной опасности определяется тяжестью наступивших последствий, способом преступного посягательства, формой вины;

б) качественная сторона общественной опасности определяется объектом преступного посягательства: чем значимее объект, тем выше характер посягательства;

— многокомпонентная социально-правовая категория — результат законотворческой деятельности, включающий в себя уголовно-правовые, уголовно-исполнительные, уголовно-процессуальные, криминалистические, организационно-управленческие признаки.

Лановая Галина Михайловна,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя

О критериях научности юридического знания

Вопрос о критериях научности знания актуален для любой науки, и юриспруденция не является исключением. От правильности и точности выбора названных критериев зависят объективность оценки результатов исследовательского труда, возможность отграничения идей и концепций, служащих приращению знания, от фантазий, ложных гипотез и псевдонаучных теорий, а также вероятность обнаружения демаркационной линии между наукой и идеологией, приобретшей наукообразный вид. Следовательно, правильное и точное определение критериев научности юридического знания имеет чрезвычайно высокую значимость для стимулирования таких изменений в юридической науке, которые могут способствовать повышению ее роли в жизни современной России.

Несмотря на очевидную важность, проблема критериев научности знания удовлетворительно решена в юриспруденции до сих пор не получает. Этому способствуют два обстоятельства. Во-первых, последовательная смена типов рациональности привела к формированию в современной философии науки и науковедении нескольких подходов к решению вопроса о критериях научности знания, синтезировать которые практически невозможно. В этих условиях выработка единого, общепризнанного мнения относительно критериев научности юридического знания объективно затрудняется. Во-вторых, на юриспруденцию необратимым образом влияет то, что «массовый характер интеллектуальной деятельности порождает новый вид социальной фобии — страх утраты собственной индивидуальности»¹. В этой ситуации неизбежно появляется множество не связанных друг с другом и замкнутых на самих себе «авторских» решений вопроса о критериях научности юридического знания, прикладная ценность которых не всегда очевидна.

Бесспорно, рассуждения о критериях научности юридического знания могут быть продуктивными, будучи сопряженными с обоснованием принципиально новых, оригинальных идей, однако важно понимать, что новизна той или иной концепции сама по себе не является гарантией ее правильности, корректности. В этой связи имеет смысл прежде всего обратиться к уже известным и апробированным на практике подходам к определению критериев научности, соответствующим трем основным известным истории науки типам рациональности, — классическому, неклассическому и постнеклассическому.

В рамках рациональности классического типа основным критерием научности знания предстает истинность — его адекватность реальности, достигаемая за счет очищения процесса познания от субъективизма².

¹ Чеснокова М. Г. О социокультурных основаниях типов рациональности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2012. № 1 (5). С. 98.

² См.: Ключков В. В. Знание и невежество в юридической науке // Известия ЮФУ. Технические науки. 2008. № 10 (87). С. 145; Тюменева Н. В. Особенности применения универсальных критериев научности в юриспруденции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. № 1. С. 84–85; Чеснокова М. Г. О социокультурных основаниях типов рациональности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2012. № 1 (5). С. 96.

Там, где речь идет о юриспруденции, размышления об истинности знания, как правило, сопровождаются рассуждениями о затруднениях, которые возникают на пути исследователя, стремящегося к постижению истины. При этом речь прежде всего идет о факторах, влияние которых на процесс познания неизбежно и непреодолимо, — например о культурной среде, в том числе о правовой культуре¹. Поскольку объективно не существует надежных способов нивелировать воздействие подобных факторов на исследователя и осуществляемую им деятельность, постольку, признавая критерием научности знания истинность, можно прийти к парадоксальному выводу: никакое юридическое знание научным не является.

Рассуждать об истинности или ложности юридического знания затруднительно и в силу того, что такое знание — всегда результат интерпретации, а последняя представляет собой деятельность, на содержание и результаты которой ощутимо влияют свойства сознания и мышления интерпретатора.

Сторонники того подхода к решению вопроса о научности юридического знания, который сформировался в рамках рациональности классического типа, вероятно, в силу проблематичности решения вопроса об истинности такого знания, нередко предлагают использовать дополнительные критерии, которыми при всем многообразии применяемой в их номинации терминов в сущности предстают доказательность, верифицируемость и логическая непротиворечивость², но и эти критерии использовать в оценке юридического знания весьма проблематично.

Так как в отношении юридического знания практически невозможно применить критерий истинности, о наличии или отсутствии у него таких свойств, как доказательность и верифицируемость, говорить также затруднительно.

Доказательность — обоснованность научного знания, его подтвержденность другими положениями, истинность которых доказана, — в рассуждениях о юридическом знании фактически подменяется аргументированностью. В то же время важно понимать, что доказывание и аргументация — разные виды деятельности, и потому аргументированность не может быть критерием научности знания в принципе.

Доказывание и аргументация имеют разные цели, средства, стадии, кроме того, они различаются и по другим параметрам³. Наиболее принципиально то, что целью доказывания является установление истины, а цель аргументации — обеспечить «принятие аудиторией (собеседником) выдвигаемых положений, частичное или полное изменение исходной позиции»⁴. Как следствие, инструменты, которые успешно используются в аргументации (например ссылка на авторитетное мнение или апеллирование к норме закона), в формально-юридическом смысле не служат надежными средствами доказывания истинности знания.

Верифицируемость — проверяемость на предмет истинности путем обращения к эмпирическому опыту — не может рассматриваться в качестве свойства юридического знания не только в силу отсутствия критериев истинности, проверку на соответствие которым предполагает верификация. Установить их соответствие какому-либо эталону эмпирическим путем в принципе затруднительно, так как применение опытов, наблюдения и эксперимента в юридической науке крайне ограничено. Поскольку объекты, изучаемые юридическими науками, относятся к категории идеальных либо являются материальными отражениями идеальных объектов, постольку их свойства невозможно измерить или зафиксировать приборами.

Там, где в исследовании изучаемых юридической наукой объектов, явлений и процессов используются точные методы, как правило, фиксируются не свойства самого объекта, явления, процесса, а результаты действия сложной системы факторов, правильность или неправильность

¹ См.: Антонов М. В. Объективность в праве и в юридическом мышлении. Рецензия на монографию: Jaakko Husa, Mark Van Hoelcke (ed.). *Objectivity in Law and Legal Reasoning*. Oxford; Portland: Hart Publishing, 2013. 268 p. Правоведение. 2014. № 1. С. 252.

² См.: Графский В. Г. Точку ставить рано: вместо заключения // Стандарты научности и *homo juridicus* в свете философии права. Материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца / отв. ред. В. Г. Графский. Москва: Норма, 2011. С. 159–161; Иванов С. А. О критериях научности юридической теории // История государства и права. 2012. № 11. С. 46–47; Невважай И. Д. О возможности адаптации критериев научности в науках о праве // Стандарты научности и *homo juridicus* в свете философии права. Материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца / отв. ред. В. Г. Графский. Москва: Норма, 2011. С. 127–133; и др.

³ Каргин К. В. Основные концепции соотношения юридической аргументации и юридического доказывания // Право и государство: теория и практика. 2013. № 2 (98). С. 56.

⁴ Пантыкина М. И. Теория и практика аргументации. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2014. С. 3.

интерпретации которых зависит от ученого. Например, увеличение количества зарегистрированных преступлений определенного вида может быть следствием как действительного увеличения количества таких деяний, так и изменения уголовного закона, применяемого на практике подхода к регистрации совершенных преступлений либо намеренного искажения статистики. Правильность выводов, сделанных на основе анализа статистики, в данном случае зависит непосредственно от того, сумеет ли исследователь отличить зависимости от ложных корреляций.

Что касается логической непротиворечивости — свойства системы, подразумевающего, что никакое предположение в ней не может быть доказано и одновременно опровергнуто, — то применение данного критерия к юридическому знанию затруднено в силу того, что его логическая непротиворечивость — всегда результат приложения усилий, достаточных для того, чтобы элиминировать из системы то, что противоречит другим ее элементам. Важно понимать, что подобные усилия, из правило, приводят к последствиям скорее негативным для науки, чем позитивным, так как логическое противоречие — основной источник развития научного знания и «чем более несовместимой с господствующей точкой зрения является выдвигаемая гипотеза, тем лучше»¹.

Итак, представления о критериях научности, сложившиеся в рамках рациональности классического типа, подвергаются критике небезосновательно. Их применение в отношении юридического знания вряд ли может дать четкое представление о том, когда оно научно, а когда — нет.

Специфика критериев научности знания, сложившихся в рамках рациональности неклассического типа, определяется тем, что последняя сформировалась не просто в условиях кризиса классической парадигмы, а именно в острой полемике с ней. Когда оказалось, что «рациональные схемы, создаваемые теоретическим мышлением «свободно мыслящего» интеллектуала, в большинстве случаев так и остаются абстрактными схемами и не воплощаются в действительность»², базовым критерием научности знания была провозглашена его практическая ценность (полезность).

Несмотря на то, что неклассическая парадигма рациональности «была вытеснена формирующимся новым типом рациональности прежде, чем был раскрыт весь ее исследовательский потенциал»³, ее влияние на современные представления о критериях научности юридического знания очевидно. Однако при этом к практической ценности (полезности) юридического знания апеллируют в основном там, где вопрос о критериях научности такого знания возникает в связи с необходимостью решения какой-либо иной проблемы. Например, А. В. Поляков пишет о возможности использовать указанный критерий для решения такой задачи, как «отделение (сепарация) научных построений от философско-мировоззренческих изысканий» и указывает, что «минимальными условиями научности теории» являются ее внутренняя согласованность и способность объяснять правовые реалии с точки зрения юридической практики»⁴.

В рамках рациональности постнеклассического типа в условиях идеологического и методологического плюрализма возникает представление, что абсолютных критериев научности не существует. Такие критерии зависят от исторического и культурного контекста. «Классическая рациональность превращается в коммуникативную intersubjectивную рациональность»⁵, а основным критерием научности юридического знания провозглашается конвенциональность⁶.

С применением названного критерия в оценке научности юридического знания трудно согласиться, так как оно фактически «замыкает» юридическую науку на самой себе: знание начинает рассматриваться через призму свойств, в признании значимости которых, по большому счету, решающую роль играет достигнутый учеными консенсус. Возникает опасность того, что юридическое знание оторвется от права и правовой практики, станет набором символов и моделей, не имеющих отношения к действительности и выступающих лишь ориентирами, в рамках которых должен

¹ Клочков В. В. Знание и невежество в юридической науке // Известия ЮФУ. Технические науки. 2008. № 10 (87). С. 148.

² Чеснокова М. Г. О социокультурных основаниях типов рациональности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2012. № 1(5). С. 97.

³ Там же. С. 98.

⁴ Поляков А. В. Энергичная антропология права и коммуникативный подход // Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма: сборник научных трудов / под общ. ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. Минск: Академия МВД, 2015. С. 40–41.

⁵ Честнов И. Л. Постклассические критерии научности юридической теории // Стандарты научности и *homo juridicus* в свете философии права. Материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. Москва: Норма, 2011. С. 64.

⁶ Клочков В. В. Знание и невежество в юридической науке // Известия ЮФУ. Технические науки. 2008. № 10 (87). С. 149; Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Санкт-Петербург: Алет-Пресс, 2012. С. 229–230.

оставаться исследователем для того, чтобы продолжать считаться членом научного сообщества, быть принятым и услышанным им. При этом может быть утрачено осознание того, что указанные символы и модели — результат конвенционального соглашения, достигнутого научным сообществом, а не правдивое отражение правовой действительности.

Под влиянием представлений, сложившихся в рамках рациональности постнеклассического типа, возникает мнение, что юридическое знание можно оценивать, опираясь одновременно на универсальные критерии научности, получившие обоснование в рамках рациональности классического типа, и на «специальные» критерии, содержание которых определяется особенностями юридической науки. Однако, предлагаемые при этом решения оказываются неконкретными или вызывают возражения в силу других причин.

Так, Н. В. Тюменева пишет о необходимости разработки в дополнение к «универсальным» параметрам оценки научного знания, выработанным в философии науки, «собственно юридических (дисциплинарных) эталонов научности»¹. В то же время она не указывает, что именно может выступать в качестве собственно юридических (дисциплинарных) эталонов научности. В силу этого остается неясным, как именно можно реализовать ее предложение о расширении круга критериев научности юридического знания.

Мнение Н. В. Тюменевой разделяет Г. А. Иванцова². Она отмечает, что «правовой науке только предстоит выработать свои собственные частные (дисциплинарные) критерии научности»³. О каких именно критериях в данном случае может идти речь, при этом не уточняется.

Н. В. Варламова высказывает мнение, что к юридическому знанию с определенными оговорками применимы те же критерии научности, что и к любому другому знанию. В то же время ей представляется интересным выделить критерий научности «собственно юридического знания»: таким критерием, по ее мнению, может быть специфическое — с помощью не свойственного другим наукам метода познания — конструирование специфического предмета⁴.

Вместе с тем названный критерий вряд ли можно считать именно критерием научности юридического знания. Наличие у юриспруденции специфического метода, с помощью которого конструируется специфический предмет, может служить лишь подтверждением того, что она по праву носит статус самостоятельной науки (который, впрочем, сегодня сомнению никто не подвергает). Если бы у юриспруденции не было специфического метода, то это не лишило бы знание, произведенное ею, статуса научного, лишь указало бы на то, что такое знание является не юридическим, а, например, социологическим или политологическим.

Итак, критерии научности юридического знания, получающие обоснование в рамках рациональности постнеклассического типа, вызывают возражения. При этом то, что такие возражения возникают именно вследствие отсутствия уверенности в применимости указанных критериев, побуждает вновь обратиться к представлениям о научности знания, сложившимся в рамках рациональности неклассического типа.

В юридической науке неслучайно значительное внимание уделяется проблеме практического применения знания. Юридическое знание — как и любой другой результат человеческой деятельности — приобретает смысл не в момент своего производства, а тогда, когда становится средством удовлетворения определенных потребностей. Ввиду этого в качестве базового критерия научности юридического знания может и должна рассматриваться его практическая ценность (полезность), выражением которой служит применимость⁵.

¹ Тюменева Н. В. Критерии научности юридического знания и практика их применения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18. № 3. С. 346.

² Иванцова Г. А. Критерии научности знаний о праве // Право и государство: теория и практика. 2019. № 6 (174). С. 26.

³ Там же. С. 25.

⁴ Варламова Н. В. Критерии научности юридического знания // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права. Материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. Москва: Норма, 2011. С. 51–62.

⁵ Принципиально значимо отличать практическую ценность юридического знания от ценности результатов его фактического применения, так как одно и то же знание может использоваться с позитивным или негативным в социальном плане результатом. В этом плане показательным является то, что перераспределение полицейских сил и средств на основе знания разницы в динамике преступности в различных районах города может приводить как к снижению уровня преступности, так и к закреплению за определенными районами репутации криминологически неблагополучных, их маргинализации и, как следствие, еще большему увеличению количества совершаемых в них правонарушений.

С высказанным суждением вполне согласуется то, что в эпоху безраздельного господства рациональности классического типа, когда назначением любой науки, в том числе юриспруденции, считалось удовлетворение потребности человека в познании мира, основным критерием научности юридического знания признавалась его истинность. Со сменой типа рациональности на первый план выступили функции юридической науки, связанные с ее способностью быть средством преобразования мира. Возникло представление о том, что подлинно научным является то юридическое знание, которое, даже будучи отчужденным от мыслителя, может использоваться для преобразования мира. С появлением необходимости изучения чрезвычайно сложно организованных систем востребованным оказался подход, выработанный в рамках рациональности постнеклассического типа.

С учетом того, что среди функций юридической науки далеко не последнюю роль играет методологическая функция, практическую ценность как критерий научности юридического знания нужно интерпретировать предельно широко, усматривая его полезность в применимости для решения не только проблем, значимых для правотворческой, правореализационной и правоинтерпретационной деятельности, но и задач, актуальных для самой науки, например таких, как совершенствование методологии, устранение неопределенности или восполнение пробелов в юридическом знании.

Для того чтобы знание было применимо в юридической деятельности, оно должно быть предметным (относимым), конкретным, аргументированным, системным (непротиворечивым). Для того чтобы быть применимым в решении задач, актуальных для юридической науки, знание, кроме того, должно быть творческим и инновационным (должно обладать новизной). Представляется, что перечисленные признаки вполне могут служить дополнительными критериями научности юридического знания.

Новое знание может соответствовать существующей научной парадигме или быть связано со сменой этой парадигмы. В первом случае применимость знания обнаруживается сразу, и оно находит свою реализацию прежде всего в правовой практике. Во втором случае применимость знания часто неочевидна, и оно оказывается приложимо прежде всего там, где речь идет о решении сугубо теоретических задач, в том числе задач методологического плана.

Отдельно следует подчеркнуть, что парадоксальным образом возможность использования знания, оперирования им для решения практически значимых проблем напрямую не зависит от его истинности. В этом плане показательным то, что знание, сформировавшееся под значительным влиянием идеологии, оказывается во многих случаях применимым в той же мере, что и знание, объективно отражающее действительность.

Практическая применимость юридического знания не зависит напрямую и от его признанности научным сообществом. По крайней мере, нельзя исключить гипотетическую вероятность возникновения «юридической лысенковщины», при которой ученым сообществом в качестве научного будет маркировано знание, являющееся результатом симуляции научного труда, и при этом будет отказано знанию, действительно имеющему практическую ценность, но полученному с «нарушением» принципов исследования, относительно важности соблюдения которых учеными-юристами достигнуто конвенциональное согласие.

Итак, определяя критерии научности юридического знания, следует принимать во внимание то, для чего существует юридическая наука, в чем заключаются ее ценности. Так как в современных условиях юриспруденция востребована именно как деятельность, в рамках которой производится знание, применимое в решении актуальных теоретических и прикладных проблем, в качестве базового критерия оценки научности юридического знания целесообразно рассматривать его практическую ценность (полезность). Несмотря на то что такой подход к решению вопроса о критериях научности юридического знания не вполне согласуется с типом рациональности, господствующим сегодня в философии науки и науковедении, его реализация может способствовать повышению роли юридической науки в жизни современной России.